

Юлия Евдокимова

16+

УБИЙСТВО СО ВКУСОМ ТРЮФЕЛЕЙ

Delitti e delizie

Преступления и вкусоности

Юлия Евдокимова

Убийство со вкусом трюфелей

«Автор»

2022

Евдокимова Ю.

Убийство со вкусом трюфелей / Ю. Евдокимова — «Автор»,
2022 — (Преступления и вкусоности)

Уютный детектив для хорошего настроения. Поздней осенью приходит время охоты на трюфели. Но жители маленького городка в тосканских горах обеспокоены другими проблемами. Кто-то убил известного повара, а еще, по слухам, вернулись черные всадники, о которых рассказывает легенда, правда, на... мотоциклах. Здесь замки на каждом шагу, здесь воют по ночам волки, но согревает сердце бокал верментино, вспыхивает горечью розмарина нутовый суп. Героиня книги, русская адвокат Александра, попадает с корабля на бал. Еще вчера она гуляла по Венеции с любимым, а сегодня ей придется выживать в ноябрьских горах, где солнце заходит дважды, искать пропавшую соотечественницу, а заодно убийцу повара, познакомиться с трюфельной собакой и подружиться с мудрой совой. *Delitti e delizie* – преступления и вкусоности. Серия эксклюзивно для электронных книг.

Юлия Евдокимова

Убийство со вкусом трюфелей

Все совпадения персонажей и событий случайны.

Саша спустилась по лестнице в вестибюль гостиницы и зажмурилась, ослепленная вспышками камер. Со всех сторон к ней кинулись журналисты.

– Как вы считаете, чем закончится ваш процесс?

– У вас есть, что сказать?

– Вы будете делать заявление для прессы?

Прямо перед Сашей оказался молодой человек с засаленными волосами в давно не стираном свитере. Он тыкал диктофоном в лицо девушке и злобно кричал:

– Вы хотите отнять ребенка у матери? Так и скажите, скажите под запись, вы хотите увезти его за рубеж! Мы не позволим, мы все знаем, мы общественники!

Саша отшатнулась и чуть не потеряла равновесие, запнувшись о краешек ковра, но ее тут же подхватил под локоть хозяин гостиницы, а охрана по его знаку уже теснила журналистов к выходу, требуя немедленно покинуть помещение.

Эту частную гостиницу в небольшом российском городе Саша выбирала всегда, когда приходилось приезжать сюда по делам. Итальянский бизнесмен выкупил старый дворянский особняк, превратил его в очаровательную частную гостиницу и здесь же открыл маленькое кафе, где лично проверял каждое приготовленное блюдо, а иногда и сам вставал к плите. Его каннеллони со шпинатом славились по всему городу даже среди тех, кто и помыслить не мог о блюде без мяса.

Саша приезжала в этот город на судебные процессы, как «avvocato di fiducia» – доверенный адвокат итальянского консульства, и владелец отеля сразу взял ее под свою опеку. Ей доставался номер лучшей категории, чем заказанный, хозяин лично варил ей «un vero espresso italiano», а за ужином подсаживался поговорить «за жизнь».

– Ну, ты нас взбодрила, прямо голливудский сериал! – пожилой итальянец привел девушку в гостиничное кафе, а официант уже нес две чашечки ароматного кофе.

– Они как с цепи сорвались, – пожаловалась девушка, – я даже не представляла, что такое может быть! Прохода не дают, создали сенсацию на пустом месте! Вчера согласилась ответить на вопросы местной газеты, вроде хорошо поговорили, а напечатали полную чушь, да еще и с оскорблениями.

Этим утром во время своего выступления в суде она подняла вверх и показала присутствующим два пакета с детскими игрушками и книжками, которые передала ей служба соцзащиты с просьбой вернуть доверителю. Его бывшая жена выбросила все подарки за порог, отказываясь отдать их ребенку.

Журналисты оживились, защелкали камерами, а молодого человека в грязном свитере пришлось вывести из зала суда вместе со странной теткой, представлявшей всем поэтессой, в длинном платье непонятного цвета, с тонкой косой из редких седеющих волос. Тетка кричала, что общественность костями ляжет, но не позволит отобрать ребенка, молодой человек свистел и топал ногами.

Бесполезно было объяснять, что несчастный отец просит лишь возможности изредка прилетать и встречаться со своим сыном, дарить ему подарки, оплачивать уроки итальянского и позволить малышу разговаривать по скайпу со своими итальянскими бабушкой и дедушкой. Бывшая жена и слышать про это не хотела.

А все так хорошо начиналось!

***

Несмотря на обещание никогда больше не пускать Александру в Италию, Лука Дини, комиссар полиции из тосканского городка Эмполи, все же сменил гнев на милость, и они договорились провести отпуск в Венеции.

– По крайней мере в Венеции ты точно не найдешь себе какой-нибудь труп, – сказал Лука по телефону, когда они обсуждали маршрут, – здесь такого практически не случается, а упавшие в канал перепившие туристы не твой профиль.

Саша собралась обидеться, но передумала, и не зря. Венеция была прекрасна как всегда!

Даже толкаясь в нескончаемых толпах туристов, среди которых были на сей раз и Лука с Сашей, всегда можно было найти пустые улочки, маленькие каналы, аутентичные ресторанчики.

Лука встретил девушку на вокзале Санта Лучия. Саша прилетела в Верону, села на поезд и уже через полтора часа вышла на самую прекрасную привокзальную площадь в мире.

Ее сразу накрыли суета, многоголосье, толпы людей с чемоданами, оглушил шум моторов катеров-такси, трамвайчиков-вапоретто и прочего всевозможного водного транспорта, заполнившего канал. Шум сливался с гомоном и криками толпы, но Саша быстренько сориентировалась, и отправилась на запланированное место встречи у моста Дельи Скальци, в двух шагах от вокзала.

Лука разглядел ее издали в толпе – комиссар полиции, как никак! – замахал руками, пошел навстречу, традиционно расцеловал в обе щеки и отобрал чемодан.

Они решили не толкаться на заполненном народом вапоретто, а взять такси, тем более, что платил за такси Лука, что очень порадовало Сашу: венецианские такси могли сильно проreditь ее бюджет.

Буквально через десять минут катер такси, свернув с Большого Канала на маленький и узкий, пришвартовался у лесенки, ведущей на длинную безлюдную площадь. Шум и хаос вокзала и Большого Канала оказались позади, здесь была спокойная жилая Венеция, где вряд ли встретишь много приезжих.

Под пристальным взглядом львиной головы на старинной двери Лука повернул ключ и ворча, что в последний момент пришлось снимать квартиру именно здесь, ничего более подходящего не нашлось, и вообще нельзя планировать отпуск за три дня, тем более в Венеции, потащил Сашин чемодан на мансардный этаж узкого четырехэтажного дома.

Естественно лифта не было и в помине, зато крохотная квартирка выходила прямо на террасу, такую огромную, что здесь можно было устраивать настоящие балы, с шикарными видами на венецианские крыши и колокольни.

Каждый раз возвращаясь с прогулок Саша и Лука проклинали все на свете, из последних сил вползая по крутой лестнице. Но рынок Риальто был в двух шагах, и Саша с удовольствием ездила туда утром на гондоле-переправе трагетто, чувствуя себе настоящей венецианкой, хотя никогда не признавалась в этом комиссару, «настоящему флорентийцу».

Она покупала на рынке свежие продукты и потом готовила на небольшой кухне, окна которой открывались на маленький канал. Частенько Лука отстранял ее от плиты, и готовил сам, заодно показывая подруге, как нужно готовить «аутентично» по-итальянски. Они шутиливо ругались, спорили, но приходилось признать, что обед из итальянских продуктов у Луки получался лучше. Очень часто это были настолько простые блюда, что Саша удивлялась, как это получается настолько вкусно.

Даже в Венеции Лука умудрялся найти пакеты с надписью «Pasta Toscana», не признавая не только традиционные венецианские соусы из мелких рыбок, но и все прочие виды пасты.

Комиссар доставал огромную кастрюлю, уверяя Сашу, что только в большом количестве воды можно правильно сварить пасту, кипятил воду, подсаливал и наконец торжественно вскрывал пакет с пастой.

Он придирчиво рассматривал купленные Сашей продукты, предпочитая отсыпаться, пока девушка отправляется на рынок, но не забывая критиковать ее выбор помидор или зелени. И приступал к священнодействию- приготовлению соуса.

Саша, зная о спагетти, тальятелле, феттуччини или в крайнем случае о пенне, начала разбираться в тосканских «пичи» или «реджинелле» о которых никогда раньше не слышала, а простота соусов изумляла и заставляла замирать у Луки за спиной с карандашом и блокнотом, записывая, как он умудряется создавать шедевры из обычных овощей. Но записывай – не записывай, а так вкусно у нее самой вряд ли получится, для этого надо родиться итальянцем.

– Интересно, бывают итальянцы, которые не умеют готовить? – задумалась как-то девушка.

Эти дни были воплощением давней мечты, это была и тосканская и венецианская жизнь в одном флаконе, а неудобство крутой лестницы в квартиру под крышей можно было потерпеть.

Весь дом занимала одна семья, старая бабушка в квартире на первом этаже и две сестры – тетки хозяйки дома на втором, дальняя родственница теток – во внучатых племянницах и троюродных внуках по-итальянски Саша запуталась – на третьем.

Бабушка изредка выходила совсем по-деревенски посидеть на солнышке около дома на раскладном стульчике. Она как-то окликнула Сашу, и, показав на старинный, накрытый тяжелой гранитной плитой колодец, и еще один, чуть подальше, рассказала, откуда пошло название площади – «do pozzi», два колодца.

– Это очень известная венецианская легенда, – сказала старушка, – приезжие ее не знают, а у нас, венецианцев она передается из поколения в поколение. Здесь неподалеку, – она указала в сторону канала, – жила девушка по имени Аннетта.

Ее возлюбленный, Пьеро, пекарь из соседней булочной, однажды вечером сделал своей любимой предложение и, счастливый, возвращался домой. Неожиданно он наткнулся на труп заколотого ножом венецианского аристократа, графа Альвизе Гуоро. Пока растерянный юноша стоял над телом графа, прибежали стражники, и, обвинив его в убийстве, утащили в тюрьму. В те времена об отпечатках пальцев слухом не слыхивали, и Пьеро грозила смертная казнь.

Аннетта умоляла важного вельможу, графа Барбо, помочь ей встретиться с женихом, в конце концов, граф согласился, и, видя отчаяние влюбленных, заплатил стражникам и вывел юношу из тюрьмы, спрятав под своим плащом. Но вскоре Пьеро поймали, объявили не только убийцей, а еще и шпионом, и чтобы он не убежал еще раз, охранники держали его до казни в одном из этих колодцев, – кивнула старая синьора на площадь. – Теперь уже без колебаний парню отрубили голову на площади Сан Марко.

А потом случайно обнаружился настоящий убийца, им был сам граф Барбо, который специально помог юноше сбежать из тюрьмы, чтобы доказать его виновность, ведь только виновный решится бежать!

С тех пор магистраты Венеции осторожно относились к назначению смертной казни. А в городе долго говорили о проклятье fornaretto – молодого пекаря, ведь после его казни вскоре умер, подавившись за обедом, граф Барбо, затем дож Лоредан, отдавший приказ о смертной казни, не разобравшись толком в этом деле. А потом и вся семья графа Барбо умерла один за другим. Аннетту тоже преследовали несчастья, хоть и дожила она до старости, но так и не вышла замуж и всю жизнь провела в бедности.

Саша так и не поняла, за что проклятье fornaretto настигло бедную девушку, и тут же придумала историю, что Аннетта польстилась на деньги графа и стала его любовницей.

– Скучно тебе без расследований, – засмеялся на это Лука, даже тут историю придумала! – И поднял бокал прохладного белого «Соаве», в котором отражался венецианский закат и красная черепица крыш.

– За твоё здоровье!

***

Они гуляли по городу, выходя на Сан Марко поздно вечером, когда на площади было совсем мало народа, звенели бокалы в старинных ресторанчиках «Квадри» и «Флориан» и по очереди, следуя давнему договору, играли их оркестры.

Саша и Лука пару раз выпили кофе во «Флориане», чисто ради традиции, потому что за эти деньги можно было выпить ни одну чашку в соседнем от их дома кафе, а вот поужинать там даже Лука не решился предложить.

Обедая всегда дома, они находили множество уютных заведений на ужин, и вполне обошлись без «Флориана». Главное, что и Лука наконец-то чувствовал себя туристом, и за исключением тосканских обедов в его исполнении в Венеции они с Сашей были на равных.

Они пили вино на виноградниках маленького острова Сант Эразмо, поднимались на колокольню Сан Джорджо Маджоре и радовались разноцветью домиков острова Бурано. Саша всегда любила и воду и лодки, и кораблики, поэтому венецианский способ передвижения по городским каналам и поездки на острова лагуны приводили ее в полный восторг. Да и что может быть романтичнее отпуска в Венеции!

***

Однажды скрипач, развлекающий публику за ужином в одном из маленьких ресторанчиков, заиграл что-то из Леонарда Коэна, а Лука, как истинный итальянец, подпел, правда, по-английски, и дал музыканту щедрые чаевые.

– Синьор американо? – спросил скрипач светловолосого комиссара

– Синьор фьорентино. – надменно оглядел венецианскую публику Лука.

Ох, уж эти итальянцы, с их приверженностью к корням, – подумала Саша.

Горела свеча на столе, вспыхивал отблеск пламени в хрустале бокала, Лука молчал, о чем-то сосредоточенно думая под звуки скрипки.

И Саша вдруг испугалась, почувствовав, что настал тот самый миг, когда прозвучит вопрос, на который она до сих пор не знала, как ответить даже самой себе. В их отношениях с комиссаром наконец-то наступила определенность, все сомнения остались позади, только вот принимать какие-то решения по поводу будущего она пока была не готова. И девушка преувеличенно оживленно стала о чем-то рассказывать, разрушив романтичность момента.

За соседним столиком сидел в одиночестве пожилой синьор с белым воротничком католического священника. Они обменялись с Лукой парой фраз, как это часто происходит между соседями в итальянских ресторанах, и комиссар пригласил его за свой столик, было заметно, что компании у пожилого человека не ожидалось.

Священник отнекивался, извинялся, что не хочет мешать такой прекрасной паре, но Лука и Саша настояли, как подозревала девушка, по одной и той же причине: оба боялись, что романтичность момента вернется, и отступать будет некуда, но оба до конца так и не могли решиться на серьезный шаг.

За ужином они разговорились, старый падре, услышав, что Саша – адвокат из России, заинтересованно взглянул на нее:

– А в какой сфере права вы работаете, синьора?

Саша рассказала, а священник тут же спросил:

– А вы взяли бы за дело из области семейного права?

Саша кивнула, добавив, что может работать только в России, у нее нет права работать в Италии и святой отец без труда найдет в своей стране множество квалифицированных адвокатов, если ему действительно это необходимо.

– Ох, вы меня не так поняли, – смутился пожилой синьор, – я как раз хотел предложить вам защиту моего хорошего знакомого в России.

Саша сразу заинтересовалась, а Лука театрально поднял глаза к небу:

– Надеюсь, обойдется без трупов?

– Труп вполне мог оказаться мой, – вздохнул падре, – нет, конечно, никто меня убивать не собирався, во всяком случае, физически. А морально... дорого обошлась мне эта история. Меня зовут дон Витторио. Дон Витторио Дельмильо, – спохватился он.

***

Несколько лет назад девушка из России, учась в Германии, познакомилась с молодым итальянским ученым, работавшим в том же немецком городе. Молодые люди начали встречаться, и довольно быстро решили пожениться.

– Боюсь, что ее интересовало лишь гражданство, которое в Германии она не получила бы, – грустно сказал священник. – Во всяком случае, через год после свадьбы родился сын, Серджио, и она уговорила Микеле, так зовут моего знакомого, уехать на его родину. Парень терял многое, он занимался серьезными исследованиями, и по его специальности работы в Италии не было. Единственное, что он смог найти, это место в лаборатории на юге, совсем не похожее на прекрасную карьеру, которая уже складывалась в Германии. Но под давлением жены он решил на переезд.

Оказалось, что жизнь в маленьком городке на юге Италии несравнима с жизнью в Германии, и через короткое время в семье начались скандалы.

– В доме не было отопления, но это и не принято, это же юг! Там не бывает настолько холодно, – сказал старик. – Денег на жизнь не хватало, зарплата лаборанта несравнима с зарплатой научного сотрудника.

Закончилось все тем, что Микеле купил небольшую квартирку в горах Тосканы, в городке, откуда он родом, и жена, ее зовут Татьяна, переехала туда с сыном. Микеле был вынужден оставаться на юге в съемной квартире, потому что там он мог заниматься хоть какой-то наукой.

А потом... Татьяна стала вести себя странно. Она вызывала врачей из-за каждого всхлипа сына, она забрала его из яслей, начала требовать каждую неделю обследовать его здоровье и брать анализы.

– А что было с мальчиком? – спросил Лука

– В том то и дело, что ничего. Здоровый веселый малыш, который с удовольствием играл с другими детьми.

Так прошло около года, и однажды, приехав к семье, Микеле наткнулся на запертую дверь, к которой не подходил его ключ. Из-за закрытой двери Татьяна сообщила, что он плохо влияет на ребенка, и она не собирается больше пускать его в дом.

– Я хорошо знал Микеле, его родители живут в том же городке, он вырос на моих глазах, какое плохое влияние мог оказать порядочный молодой человек? Общение сына с бабушкой и дедушкой Татьяна тоже запретила. Что я мог сделать? Я устраивал встречи отца с сыном, пока Серджио был в яслях, мы с Микеле приходили туда, и он играл с малышом, потом я все же смог договориться с Татьяной, чтобы эти встречи проходили в нашей церкви, в моем присутствии.

Но однажды вместо Татьяны с Серджио пришли карабинеры и обвинили меня, – голос старого священника задрожал, – мне стыдно об этом говорить! Обвинили меня в растлении двухлетнего ребенка... Вы полицейский, – он взглянул на Луку, – вы представляете, через что я прошел. Слава Богу, – он перекрестился и поднес ладонь к губам, – разобрались, и все обвинения с меня были сняты. И с Микеле тоже, вы можете себе представить, что она обвинила мужа и старого священника в растлении двухлетнего ребенка?

– Кошмар какой-то, – сказала Саша, – и что дальше?

– У меня есть все документы, – заторопился падре, – я все покажу, чтобы вы не подумали, что я говорю неправду, у меня есть заключение после расследования карабинеров, и все судебные документы.

– Судебные? – переспросила Саша

– Да, Микеле был вынужден подать в суд. Суд определил, что ребенок будет жить с матерью, но отец имеет право с ним видеться. А в связи со странным поведением Татьяны, о чем говорили даже врачи, обследовавшие ребенка по ее требованию по три раза на неделе, была назначена психологическая экспертиза самой женщины.

Но за два дня до ее проведения Татьяна с ребенком исчезли. Потом мы узнали, что она уехала сначала на север, в Больцано, оттуда в Австрию на автобусе, а оттуда уже улетела в Москву. Мы долго ее искали, больше двух лет. Сейчас маленькому Серджио уже четыре года.

В ее родном городе мать сказала, что ее там нет, и она не знает где дочь, хотя все это время она была дома. В общем, – вздохнул старый священник, – мы ее нашли, с помощью нашего и вашего министерств иностранных дел. За это время она через суд лишила Микеле отцовства, сообщив, что его местонахождение неизвестно и он не принимает участия в воспитании сына.

Он с надеждой взглянул на Сашу:

– Вы возьметесь? Микеле очень переживает, вот так лишит его сына, это бесчеловечно! А его родители, представляете, что они чувствуют? Синьора Анна все время плачет. Мы бы хотели подать в суд в России, вернуть Микеле право отцовства и разрешить ему видеть своего сына.

– У нас сложная с этим ситуация, – вздохнула Саша, – в газетах и в интернете много негатива о том, как отцы-иностранцы лишают мать-россиянку ребенка. Боюсь, чисто психологически суд уже будет настроен негативно.

– Микеле не просит отдать ему сына, – сказал дон Витторио. – Он хочет иметь право с ним видеться, быть его отцом, хочет принимать участие в его воспитании. Его сын наполовину итальянец он должен учить язык, чтобы разговаривать с бабушкой и дедушкой, пусть даже по интернету!

***

Так Александра и вляпалась в этот процесс.

Ей понравился старый священник, и она поверила, и решила помочь, хотя особо обнадеживать не хотелось.

Дон Витторио так воодушевился и обрадовался, уверяя, что это сам Господь услышал его молитвы и послал помощь! Разве мог он себе представить, что, навещая кузину в Венеции, случайно познакомится с адвокатом из России, говорящей по-итальянски, да еще и понимающей их образ жизни. Наличие ее друга – полицейского еще больше убедило падре в том, что случайностей не бывает и чудо послано ему по горячим просьбам к Небесам.

На следующий день девушка улетала домой, поэтому с Микеле пришлось знакомиться по скайпу, молодой ученый произвел очень хорошее впечатление.

Через пару недель она получила по почте пухлый конверт с доверенностью на множество листов, какие пишут итальянские нотариусы, со всеми необходимыми печатями и апостилями, кипу нужных документов и приступила к работе.

Восстановить отцовство Микеле удалось довольно быстро, заочное решение суда, лишившее его родительских прав, было отменено.

Микеле готов был петь и танцевать на другом конце телефонной линии, передавал пламенные приветы и благословения дону Витторио, хотя Саша была далека от празднований. Она прекрасно понимала, что, несмотря на права отца, встретиться с Серджио ее итальянскому клиенту удастся не скоро.

Полгода она как на работу ездила в соседний город, чувствуя себе абсолютно разбитой после каждого процесса.

Ей удалось убедить суд в невинности и Микеле, и старого священника, причем оба категорически отказывались от предъявления каких-либо претензий к Татьяне, публично обвиняющей их в растлении двухлетнего малыша. Одному не позволяло христианское смирение: – Я переживу, а ведь её душе не спастись, – печально вздыхал дон Витторио. Второму – чувство порядочности: – Она мать моего ребенка, и, что бы она не делала, я не могу ее обвинять, Серджио не поймет меня, когда вырастет, – горячился Микеле.

Увы, совсем не так вела себя Татьяна.

Каждый раз, возвращаясь в свой номер в гостинице после процесса, Саша долго стояла под душем, пытаясь смыть обрушившуюся на нее грязь.

Дело было не в прессе, в поисках сенсации сделавшей из старого священника и отца ребенка настоящих монстров, а её превратив в пособницу преступников, большими взятками купившую благосклонность социальных служб. И даже не в оскорблениях, которыми поливала ее Татьяна со своими «защитниками от общественности», а в самой женщине и в том, что она делала со своим ребенком.

– Я очень хотел еще детей, – признался однажды Микеле, – Но Татьяна уговаривала меня взять ребенка из детского дома. Хорошо, мы могли бы это сделать, но почему это мешает родить собственных детей? Знаешь, что она сказала мне однажды? Что нельзя брать породистых собак, потому что слишком много собак в приютах, и нельзя покупать животных с родословной, когда столько страдающих душ. То же самое с детьми, это преступление, заводить собственного ребенка, когда в детских домах столько сирот. Она сравнила детей с бездомными животными, она отказывается от того, что нормально, что определено природой, ради усыновления, причем я же был не против усыновления!

Татьяна не зря лишила Микеле отцовства, пользуясь решением суда, год назад она удочерила девочку. – Интересно, как ей это удалось, подумала Саша, – ни работы нормальной, ни семьи!

Этой девочке Татьяна уделяла все свое время. А Серджио... Саша не могла думать без слез о несчастном маленьком «русском итальянце».

В доказательство того, что Серджио не может встречаться с отцом, Татьяна предъявила кипу врачебных заключений о том, что у ребенка нервный срыв при слове отец, у него психическая нестабильность. К сожалению, суд отказал в обследовании ребенка во избежание психических травм, ведь «любящая мать» уже дважды укладывала мальчика в психиатрическое отделение, что не улучшило его состояние.

Лежа в психбольнице, он не мешал Татьяне уделять все свое внимание новообретенной дочери, – подумала горько Саша.

Девушка хорошо понимала судью, которая приняла решение о возможности встреч малыша с отцом лишь после того, как его психика и нервная система придут в норму. Всем, включая службу соцзащиты, было ясно, что отец здесь не при чем, но также было ясно, что состояние ребенка действительно ненормально. Александра никак не могла понять, как можно так относиться к своему ребенку, и откуда такая заикленность на приемной девочке?

– Горе от ума, – вздыхала тетка из соцзащиты.

***

Татьяна ненавидела свою адвокатшу. Ладно, хоть денег взяла не слишком много, но эта пожилая тетка, работающая практически «за идею», защищая россиянку от «негодяя-педофила бывшего мужа-итальянца» не смогла сделать главного – Микеле был восстановлен в праве отцовства.

Еще больше она ненавидела адвокатшу бывшего мужа, эта приехавшая откуда-то блондинка устраивала на заседании суда настоящий цирк, как будто это был американский сериал, а не судебный процесс. Зачем-то махала в воздухе подарками Микеле, качала головой, ехидно улыбаясь и переглядываясь со стервой из соцзащиты, которая вместо того, чтобы защищать

ее, свою подопечную, все время вставляла ей палки в колеса. Все шло не так, как было запланировано, откуда взялось это чертово консульство с белобрысой адвокатшей, испортившее все дело! Как можно было разрушить налаженную жизнь и снова сделать Микеле отцом маленького Серджио!

А главное, дело приобрело такую огласку, что соцзащита возбудилась и начала присматриваться к законности удочерения любимой доченьки, девочки, о которой Татьяна всегда мечтала. Дело всей ее жизни было поставлено под угрозу! Все, о чем она мечтала, к чему стремилась и наконец получила, она может потерять...

***

Когда Таню привели в первый класс, ей казалось, что впереди так много интересного!

Она рано начала читать и к школе родители – преподаватели университета подготовили ее прекрасно, но в этом был и просчет: первые три года начальной школы девочка умирала от скуки и на всю жизнь уверилась, что она гениальна, а все вокруг тупые идиоты.

В садик она не ходила, и, не имея никакого опыта дружбы со сверстниками, представляла себе школу только по рассказам родителей. С первых же дней она была уверена, что одноклассники будут ей завидовать и все без исключения захотят с ней дружить. Они казались такими глупыми и неинтересными, девочка лучше всех читала и писала и уже в первом классе решала примеры по математике из средних классов.

Она чувствовала себя самой умной и самой красивой, учителя хвалили ее на каждом уроке.

Но неожиданно никто не захотел дружить с некрасивой и высокомерной девочкой, какой она была на самом деле. Одноклассницы обсуждали кукол, потом наряды и косметику, мальчишки заигрывали с первой красавицей класса, зеленоглазой русалкой с русыми волосами, и ничем не примечательная отличница интересовала их только тогда, когда надо было списать домашнюю работу или контрольную.

Шли годы, дети выросли, а Таня так и не обзавелась близкими подругами.

Когда ей исполнилось 14 лет, родители развелись и мир изменился.

Таня надеялась, что вот-вот раздастся звук поворачиваемого ключа в двери и папа скажет, что он передумал, и они снова будут жить все вместе. Но отец даже не заходил в свой бывший дом, он оставил квартиру жене с дочерью, женился на своей аспирантке и вскоре переехал в Москву. С дочерью он общался только по телефону, с каждым разом разговоры становились все короче и формальнее, а промежутки между звонками все дольше.

Таня не могла поговорить по душам и с матерью, которая тяжело переживала уход отца, мать стала раздражительной, срывалась по малейшему поводу и некогда вкусные семейные обеды сменились перекусами на скорую руку.

Единственное, что до сих пор интересовало мать – дочь должна расти девочкой из приличной семьи, никаких каблуков, никакой косметики, никаких пейджеров, а потом и мобильных телефонов. И в дневнике должны быть только пятерки.

Как ни странно, проблем с этим не было, ни косметика, ни модная одежда подрастающую девушку не интересовали, а учиться она привыкла всегда на пять, потому что кроме цели поступить в университет других целей в жизни у Тани не было.

Татьяна впервые подумала тогда, после ухода отца, что однажды у нее обязательно будет дочка, и никаких мужчин в их жизни не будет. Они всегда будут жить вместе, и никто другой им не будет нужен.

Но эти мысли быстро забылись – она влюбилась.

Не в одноклассника, которые до сих пор казались ей тупыми, а в молодого учителя математики. Прочие девочки кокетничали с молодым человеком, только пришедшим в школу после окончания института, вгоняли его в краску, но исключительно ради развлечения, молодой «ботаник» их всерьез не интересовал.

У Тани все было серьезно. Она не знала, как выразить свои чувства и как привлечь внимание молодого учителя. Она старалась быть самой умной, поражать эрудицией, совершенно не умея кокетничать. Приходила пораньше и ждала его около школы, прячась за углом, оставалась после уроков, дожидаясь, когда он выйдет.

На ее счастье машины у молодого человека не было, еще один повод для Таниных одноклассниц считать его лохом, и девушка шла за ним на остановку автобуса, несколько раз даже решившись проводить до дома. Она старалась незаметно идти сзади и не попадаться ему на глаза.

Конечно, одноклассники это заметили, и решили подшутить.

Однажды после перемены Таня нашла под тетрадкой записку. Предмет ее мечтаний пригласил девушку на свидание в парке в восемь вечера.

Впервые в жизни Татьяна долго стояла у зеркала. Она спрятала в пакет туфли матери и ее новую кружевную блузку, туфли были малы, ведь ее нога давно уже переросла размер матери, но она готова была терпеть боль ради высокого каблука. Блузка наоборот великовата, но ее можно было заправить, с юбкой было хуже, размер юбок матери ей совершенно не подходил, пришлось оставить свою.

Теперь надо было как-то выбраться вечером из дома. По счастью мать равнодушно отнеслась к заявлению дочери, что ей надо срочно позаниматься с одноклассницей, лишь потребовала вернуться домой не позднее десяти вечера и снова уселась смотреть любимый сериал.

Таня дрожащими руками первый раз за 15 лет намазала губы помадой, взятой у матери в косметичке, прямо на лестничной площадке у окна, прислушиваясь к шагам в подъезде. Вынула из пакета и обула туфли и отправилась в парк. Казалось, что сердце сейчас выпрыгнет из груди.

Она стояла на аллее в назначенном месте, не веря своему счастью, сердце так и не успокаивалось, билось как сумасшедшее, в глазах стоял туман. Таня с трудом различала силуэты людей, который проходили по аллеям, но Его она узнала бы даже с закрытыми глазами.

Изо всех сил стараясь не упасть в обморок от волнения посреди парковой дорожки, Таня не замечала тихие смешки и перешептывания за кустами сирени за спиной.

И тут на дорожку выскочили хохочущие одноклассники, которые больше не в силах были прятаться и сдерживать смех. Девушка, неумело накрашенная «по-взрослому», в туфлях на каблуках, которые были ей явно малы, была ужасно смешной и нелепой, тонкие ножки подгибались как у кузнечика даже тогда, когда она просто пыталась стоять на месте.

Они ржали, показывая на девушку пальцами, хлопали ее по плечам, войдя в раж, кто-то дернул за рукав и за воротник и рукав затрещал, кружевная блузка разорвалась, посыпались пуговицы.

Одноклассницы издевались над ее помадой, мальчишки изображали молодого учителя, хватая девушку за грудь, и противным голосом объяснялись ей в любви.

Таня еле вырвалась и убежала. Долго ходила по городу, даже не замечая, как устали и болят ноги на высоких каблуках в маленьких не по размеру туфлях, но не плакала, а лихорадочно думала, что ей делать дальше.

Первой мыслью было перерезать вены – пусть они все ответят! Но надо было уйти красиво, чтобы произвести впечатление, не в подворотне это делать, да и как делать, она не представляла. Дома была мать, значит, надо было ждать до утра, когда мать уйдет на работу, а это было невыносимо долго. Но и вернуться домой в порванной блузке, с размазанной помадой и с разбитым вдребезги сердцем, она не могла. А вдруг мать не ляжет, дождется ее и увидит в таком виде!

Но постепенно, круг за кругом обходя центральные улицы, не замечая удивленных взглядов прохожих на нелепую фигуру, ковыляющую на каблуках, с размазанной помадой и в порванной блузке, Таня снова вспомнила о своей исключительности. Если из-за тупых идио-

тов-одноклассников она простится с жизнью, то хуже будет только ей, они забудут о ее существовании через неделю.

Привыкшая решать все задачи на «пять» она и сейчас нашла решение: надо просто немного потерпеть, окончить школу, поступить в институт и родить дочь. И никакой любви. Никто ее больше не обидит, и никто не обидит ее дочь, с которой они будут вдвоем навсегда.

Ей повезло: слоняясь в таком странном виде по улицам, она не попала в полицию. Немного успокоившись, она умылась в общественном туалете и вытерлась порванной блузкой, все равно такую ее нельзя было нести домой. Вспомнила о нормальной обуви, переобулась и переделалась в свою футболку.

Мать только крикнула из своей комнаты: – Таня, ты? – когда она вернулась домой, больше ничего не спросив у дочери.

На следующий день Татьяна пришла в класс, как ни в чем не бывало, не обращая внимания на издевательства одноклассников. Постепенно ее оставили в покое.

***

Окончив школу с прекрасными оценками, девушка легко поступила в институт и даже подружилась с однокурсниками, во всяком случае, изгоем она больше не была, а наоборот обзавелась подругами, пусть не близкими, а так, пошептаться о девичьем.

История с учителем приобрела новый сюжет. Таня рассказывала новым подругам, как отбивалась от его внимания, как, в конце концов, он попытался порезать вены, ведь они с подругами жестоко над ним подшутили, пригласив на свидание, и высмеяв там перед всеми друзьями, но все обошлось, и он уехал в другой город.

Она научилась пользоваться косметикой, стала одеваться как все, насколько позволяли изредка присылаемые отцом деньги и небольшая помощь от матери плюс повышенная стипендия. Жила и питалась она дома, поэтому одну часть денег откладывала на будущее, а другая шла на обычные женские мелочи. Таня прекрасно общалась и с молодыми людьми, но никаких чувств к ним не испытывала, правда не испытывали и они к ней, что девушку вполне устраивало в тот момент.

Окончив институт лучшей студенткой на курсе, она удачно попала в программу магистерского обучения в Германии, и уехала с большим удовольствием. Теперь девушка четко видела свое будущее: она будет жить в Европе, где сможет материально обеспечить свою дочь.

С Микеле Маркони они познакомились случайно, в университетской кофейне. Молодой итальянец неожиданно понравился Тане, а он сразу обратил внимание на симпатичную русскую девушку. Еще в институте она научилась быть своей в студенческих компаниях, и молодые люди весело проводили время, встречаясь после ее лекций и его работы.

Неожиданно для себя девушка влюбилась. С детства убежденная, что мужчинам нельзя доверять, она привязалась к серьезному привлекательному итальянцу, и быстро вспыхнуло до сих пор незнакомое ей чувство, несравнимое с глупой детской влюбленностью в учителя, давно уже забытого.

Сейчас Таня лишь смеялась над собой и ужасалась, как она могла быть такой нелепой и попасть в такую глупую историю.

Никто до сих пор не говорил ей столько нежных слов, не звал ее любовью и сокровищем, и дорогой, и любимой, как это делал молодой итальянец, и когда Микеле предложил пожениться, она ни минуты не сомневалась.

Полгода ушло на сбор необходимых документов, прежде чем они смогли расписаться в итальянском консульстве в Германии. Ехать на его родину и общаться с родителями жениха Татьяна не собиралась, даже свадебное путешествие у них отложилось, теперь все мысли девушки были лишь о деньгах, она должна была обеспечить будущее своей дочери.

Забеременела Татьяна быстро, и по мере того, как рос ребенок у нее внутри, Микеле начал ее раздражать.

Он суетился, радовался, строил планы, чем он будет заниматься с будущим сыном, а девушка злилась и никак не могла понять, какое отношение Микеле будет иметь к ее будущей дочери, ведь она с детства знала, что будет растить ее одна. Микеле оказался досадной помехой, без него нельзя было обойтись, но теперь, когда желанный ребенок скоро должен родиться, он совершенно не нужен в ее жизни.

***

Роды оказались тяжелыми. Еще тяжелее было то, что вместо ожидаемой дочери родился сын, ведь уверенная в появлении девочки Татьяна ни разу не сходила на УЗИ, и сын оказался для нее полной неожиданностью.

Врачи говорили, что это послеродовая депрессия: Микеле не мог нарадоваться маленькому пищашему комочку, а Татьяна не проявляла никакой любви к малышу, механически исполняя свой долг по кормлению его грудью. На ее счастье молоко быстро пропало, и даже кормление из бутылочек можно было теперь переложить на Микеле, который каждую свободную минуту рвался к сыну – он оказался классическим итальянским папашей.

Татьяна же пыталась решить новую задачу: ей обязательно нужна была дочь, но опять проходить через муки беременности и тяжелых родов, да еще и без гарантии рождения девочки, она не хотела.

Почему-то мысль об удочерении ребенка из детского дома ей в голову не приходила, пока случайно в интернете не попался сайт, один из многих, предлагающих стать приемными родителями.

Оказалось, что все так просто! Никаких мук, без гарантии, что родится девочка, а главное, что никакого отношения к мужу этот ребенок иметь не будет, это собственная, только ее дочь, и тогда сбудутся все мечты!

Сначала никакого плана у Татьяны не было.

Она исподволь прощупывала отношение Микеле к удочерению, но довольно быстро поняла, что муж будет ей только мешать. Поэтому главное теперь было остаться одной, без мужа, и она начала реализовывать свою мечту.

К этому времени Германия осталась в прошлом, Татьяна уговорила Микеле переехать в Италию. Ее совершенно не интересовала карьера мужа, а тот и сам понимал, что перспектив гражданства у его жены не будет, пока они живут в Германии. И Татьяна, что называется, дождала, объясняя, как несправедливо, что она остается иностранкой при итальянцах муже и сыне.

Работы в Италии по его специальности не было, но Микеле, рассматривая этот период как временный шаг, готов был к трудностям, что не часто случается с итальянцами.

Конечно жизнь на итальянском юге после Германии была не сахар, Татьяна никак не могла привыкнуть к отсутствию отопления в квартире, жаловалась, что нельзя растить ребенка в таких условиях. Микеле снова проявил себя порядочным человеком: поднапрягся и смог купить небольшую квартирку в родном городке в Тоскане. Конечно, это был не Милан и не Верона, но хоть что-то в относительно «приличном месте» по сравнению с Богом забытой апулийской деревней, – подумала Татьяна, – Тоскана у всех на слуху.

Действительность разочаровала ее еще больше. Вместо прекрасных городов искусств она оказалась в узкой долине, зажатой между двумя горными хребтами, в маленьком каменном городке над быстрой горной речкой, где по вечерам было сыро и часто спускались туманы, а зимой вообще невозможно было согреться. В старых домах хоть толстые стены тепло держат, а здесь, в современном доме с картонными стеночками в новой части городка куча денег уходила за электричеством, без обогревателя Татьяна просто не выжила бы!

Хотя Микеле и потратил почти все свои сбережения на покупку небольшой студии, записал он ее, во избежание больших налоговых выплат, на свою жену.

Так, несмотря на неудобства, меньше, чем за год планы начали реализовываться. Татьяна лишь просчиталась, так грубо лишив Микеле возможности видеть сына, она слишком поторопилась, но ведь время шло, и ждать не было сил.

Еще одну ошибку она совершила, написав карабинерам жалобы на разврат, который творили муж со старым священником с ее сыном. Идею ей подали многочисленные статьи в прессе о скандалах со священниками, но была и другая причина – активность падре Витторио по воссоединению ее семьи начала женщину раздражать. Еще и пытавшийся поговорить свекор и вечно рыдающая свекровь раздражали безумно, Татьяна свела их общение к нулю.

Все разрешилось неожиданно быстро для итальянской бюрократии, но ведь речь шла о двухлетнем ребенке и трудно было представить, что фантазии Татьяны, описанные в ее жалобах, реальны. Татьяна попала в сложную ситуацию, когда сама чуть не лишилась права опеки над сыном.

Серджио ее особенно не волновал, но и оставлять его с отцом она не могла, это лишило бы ее возможности удочерения. И она с поражающим всех пылом кричала на всех углах о негодяе мужа, требовала от врачей еженедельного обследования малыша.

***

Решение созрело быстро, тем более, что российское консульство в Милане давно уже открыто подсказывало россиянкам пути побега с детьми от итальянских мужей в случае семейных проблем.

Она доехала до Больцано, там взяла билет на автобус до австрийского Инсбрука, благо он было недалеко, где пересела на другой поезд и через час была уже в Мюнхене, откуда вылетела в Москву. Никаких решений о запрете на выезд малыша из зоны Евросоюза суд еще не принимал, и все прошло гладко, весь побег занял всего один день.

На родине, проконсультировавшись с адвокатами, Татьяна подала в суд иск о разводе и лишении бывшего мужа отцовства: он длительное время не принимает участие в воспитании ребенка и его местонахождение ей не известно.

Оставшихся на общем счете денег, которые она сняла перед побегом до последнего цента, хватило на подарки и небольшие взятки, и вот уже через год мечта всей ее жизни сбылась. У Татьяны появилась приемная дочь.

Проинструктированная мать на звонки Микеле отвечала, что она не понимает по-итальянски, что было правдой, и не знает о местонахождении дочери и внука, что было ложью.

Но того, что случится дальше, Татьяна не ожидала. Ей в голову не приходило, что Микеле будет бороться, сумеет ее найти, дойдет до министерства иностранных дел в поиске беглой жены. А в середине процесса в дело вступит самоуверенная адвокатша, которая устоит перед нападками многочисленных Татьянинных защитников, особенно общественных, ведь к тому времени «несчастливая брошенная мужем жена, у которой хотят отнять ребенка извращенцы из Европы», обрела настоящий фан-клуб.

В итоге она впервые в жизни растерялась, не зная, что делать дальше: суд восстановил Микеле в правах отцовства.

Нужно было думать, что делать дальше, а еще продавать квартиру в Тоскане, денег на жизнь и на адвокатов катастрофически не хватало.

И Татьяна собралась в Италию, лихорадочно соображая, как найти деньги, восстанавливая связи с итальянскими знакомыми. Тем более, что после чтения местных газет одна идея у нее уже сформировалась, теперь надо было лишь выйти на нужных людей.

***

Пока Татьяна, упиваясь, рассказывала журналистам о психических проблемах своего сына, Саша не знала, что сказать его отцу.

Формально они победили. В реальности встречи могло не произойти никогда, ведь Татьяна явно не была заинтересована в выздоровлении Серджио.

Саша никак не могла понять, как можно так обращаться со своим ребенком, как можно так ненавидеть бывшего мужа, чтобы довести сына до психического расстройства и в деталях, наслаждаясь, рассказывать об этом журналистам.

Единственное, что она могла сказать Микеле – сын вырастет и сам во всем разберется, но это было слабым утешением для отца, обретшего сына без возможности его увидеть, для бабушки и дедушки в далеком итальянском городке, которые вообще не могли понять, что происходит.

Так прошло лето.

Лука переживал вместе с Александрой, понимая сомнения девушки, он даже запросил всю информацию о Микеле по своим полицейским каналам и заверил Сашу, что с этой стороны все в абсолютном порядке.

А еще Лука собрался в отпуск на Сейшелы, не пригласив Сашу с собой

– Мы понырять, с коллегами, – объяснил он, – На десять дней.

У Саши как раз и выдались свободные десять дней, и она все чаще вспоминала древний город на тосканском холме, которому обещала вернуться. Может, оно и лучше, что Лука будет на Сейшелах? А ее ждет старый и такой любимый тосканский замок!

Тем более, что комиссар был категорически против ее приездов в Италию после историй в Тоскане и Умбрии, в которые умудрилась попасть девушка. А раз он будет на Сейшелах, о поездке в Тоскану ему можно не говорить.

На первый взгляд все складывалось очень удобно, хотя и слегка обидно.

***

В тот самом замке, куда так стремилась Александра, было непривычно шумно.

Невысокая, румяная, моложавая женщина металась по широкому холлу, как в спектакле заламывая руки.

– Ну как же это? Уже давно самолет сел, а синьоры все нет! Ну что ты сидишь, она же написала, во сколько приедет, уже все сроки прошли! – женщина случайно задела плечом маленький керамический горшок, стоявший у лестницы, горшок с грохотом упал на пол, заставив вздрогнуть, того, к кому она обращалась.

Хозяин замка, выйдя на минуту из меланхоличной дремоты у экрана ноутбука, лишь пожал плечами и еще глубже окунулся в огромный шерстяной шарф, которым обмотался поверх такого же толстого теплого свитера.

– Фиона, ну что ты кудахчешь, что могло случиться? Приедет твоя любимая синьора, не мельтеши.

Фиона собрала маленьким веником осколки горшка в совок и, повернувшись спиной к своему нанимателю, сказала:

– Мои нервы этого не вынесут! Я уйду домой, и если через час я вернусь, а синьора так и не приедет, я звоню в полицию!

Она вышла из холодного холла, демонстративно громко хлопнув дверью.

***

Синьора, о которой так волновалась домоправительница замка, прилетела вовремя и быстро добралась до вокзала. Но потом, что уже входило в привычку, перепутала поезд и удобно устроилась на сиденье совсем не той электрички, пристроив рядом чемодан.

Было еще светло, но лучше бы она не смотрела в окошко: картины там проносились весьма унылые. Куда-то делся бархатный изумруд тосканских полей, переливы цвета бесконечных холмов, за окном виднелись лишь голые серые и коричневые поля, моросил противный ноябрьский дождик.

Прогноз, обещавший солнце и ноябрьские плюс 20 по Цельсию, как всегда обманул. Выйдя из самолета во флорентийском аэропорту, вместо ожидаемого тосканского солнца Саша окунулась в промозглую осень, ничем не лучше родной, российской.

Поезд притормозил на вокзале города Эмполи, и сердце девушки дрогнуло. Так хотелось выйти из вагона, сесть у фонтана с дремлющими мраморными львами в ожидании Луки, который скоро закончит работу, и они отправятся... да хоть куда отправятся! Так хотелось, чтобы вернулось то летнее время, несколько лет назад, когда они только познакомились с комиссаром, розовый туман, падающий на долину Арно, танго на площади. Всех Святых...

Но Лука нырял на своих Сейшелах в компании коллег (коллеги ли? – загрустила Саша, – вроде серьезный человек, но при этом типичный итальянец, добился взаимности и полетел дальше!) и она решила быть счастливой, несмотря на мокрую промозглость за окном, и невозможность вернуть прошлое.

Пока девушка рефлексировала, поезд давно уже отъехал от станции Эмполи и вместо пятнадцати минут до искомого места уже полчаса ехал по унылому полю, еле различимому в каплях дождя на стекле.

Надпись: «Понте – что-то там» заставила в последний момент выбежать из вагона, волоча за собой чемодан.

Поезд тронулся, а Саша огляделась и забеспокоилась. Вместо станции здесь стоял лишь небольшой павильончик, напоминающий автобусную остановку с той самой вывеской, которая и напугала девушку. Все дело в том, что Саша не представляла, что это за «Понтедера – Сан Кашано», где кроме стеклянного павильона остановки никаких признаков жилья не наблюдалось, и куда завез ее поезд, она не понимала. Хотя бы знать, на какой поезд она села, но Саша на вокзале была полностью уверена, что он идет до Сиены.

Вокруг, насколько в пелене дождя можно было что-то разглядеть, не было видно ни дорог, ни населенных пунктов, хорошо, хоть на павильончике висело расписание, и обратный поезд на Эмполи должен был подойти через десять минут.

Надеясь, что он не опоздает, потому что ожидание на ветру в окружении мокрого камыша не радовало, Саша рассчитывала еще и на то, что в такую погоду в местных поездах контролеров точно не будет, и она сможет безбилетным пассажиром вернуться в Эмполи, который проехала полчаса назад. Ведь ни кассы, ни автомата по продаже билетов на закрытой станции не наблюдалось.

Ей повезло. И поезд пришел вовремя, и контролеры за все время обратного пути не появились, и она наконец-то выдохнула, выбравшись из поезда на знакомой станции Эмполи.

Пересчитав наличность в кошельке, девушка все же отправилась на стоянку такси, ей хотелось поскорее доехать до места, которое всегда считала вторым домом, нигде на свете ей не было так хорошо.

А вот виды за окном такси оптимизма не внушали: все те же унылые голые холмы с темными мокрыми кипарисами. Но вот уже показались знакомые дома, и улочки потянулись вверх, и у высокой арки в старой крепостной стене машина остановилась.

Саша на мгновение замерла у ворот.

Еще шаг – и она окажется в городе своей мечты, в самом любимом месте на земле, которое лечит теплом и добром все печали и разочарования, даже несмотря на холодный осенний дождь. Как она могла не приезжать сюда целых два года!

– Здравствуй, я вернулась, – сказала она Кастельмонте, Замку – на – Горе, и вошла в ворота.

***

Чемодан подпрыгивал на старинных булыжниках и плюхался в собравшиеся вокруг камней лужицы. Улицы были пусты, закрыты ресторанчики, у мокрых стен не сидели старики на своих стульчиках, и даже стульчики куда-то спрятались. Мокли пожухшие цветы в кадках

вокруг старого колодца, сложены зонтики соседнего ресторанчика. Город казался покинутым и пустым.

Саша впервые в жизни допустила крамольную мысль: а может, приезд был ошибкой? Может быть, нельзя повторить то, что было так прекрасно, хотя в прошлый раз чуть не окончилось для нее гибелью.

Всего в нескольких километрах отсюда было поле, по которому она бежала от убийцы, вот здесь, у стены, закрытой сейчас энотеки, они сидели с подругами, слушая музыку, в ожидании своего подозреваемого.

Вон там – розовый домик Симоны, уехавшей вместе с мужем – карабинером в Рим, куда перевели его по работе, а вон там – закрытые двери кулинарной школы Джованны, отправившейся в отпуск в теплые края. Надо же умудриться приехать, когда друг по расследованию дома не оказалось! Конечно, она знала об этом заранее, но в другое время в отпуск бы не выбралась, что уж теперь жаловаться. Даже ресторан Антонии, где они познакомились с Лукой, был закрыт, прекрасная синьора тоже отправилась в теплые края.

Этот город никогда ее не подводил, но слишком холодным, безлюдным выглядел он сейчас.

А впереди виднелись двери замка, чей фасад уже не был увит зеленым плющом, поздней осенью он словно проволокой был опутан голыми ветками с редкими бордовыми листьями. Не журчал фонтан в саду, не сутился народ.

Саша осторожно потянула на себя тяжелые двери, уже ожидая, что они не откроются, но двери открылись, и она втянула чемодан в пустой холл, где так же не наблюдалось признаков жизни.

Саша остановилась, огляделась, и крикнула в гулкую пустоту темного холла и не менее темных пустых залов, угадывающихся дальше за дверями:

– Есть кто-нибудь? C'è qualcuno?

Ей ответила тишина, и девушка запаниковала, но тут в тишине послышались неторопливые шаги и в холл вышел хозяин замка.

Саша радостно бросилась к нему навстречу, обняла, но сразу почувствовала неловкость.

Граф смущенно попятился. И тут Саша заметила и толстый свитер, и намотанный в несколько слоев шарф, и холод, гуляющий по холлу замка.

Роберто правильно понял ее взгляд.

– Мы же закрыты в ноябре, персонал отпущен на каникулы, теперь ресторан откроется только на рождественский вечер и новогоднюю ночь, а потом в конце марта. Да и то с праздниками я не уверен. Знаешь, что они придумали? В Рождество и новогоднюю ночь наш фуникулер из нижнего города будет работать до семи вечера. Как тебе это нравится? – он пожал плечами, – какой-то идиот в мэрии придумал. Люди же пешком придут в ресторан на праздник, и как прикажете выбирать?

Он спохватился и отнял у Саши чемодан.

– Пошли, я натопил в твоей комнате.

Хозяин замка легко поднял чемодан по лестнице на второй этаж, толкнул дверь, и Саша наконец-то оказалась среди тепла и уюта хорошо натопленной комнаты с огромной кроватью с традиционной Мадонной у изголовья.

Ставни были открыты, но окно плотно затворено, все равно в пелене дождя нижний город с высоты не было видно.

– Все нормально? – спросил граф, поправив очки. – Ты устала с дороги, отдыхай. Кстати, мы тебя потеряли, Фиона собиралась уже звонить в полицию.

– Я опять села не на тот поезд... Уехала на какую-то незнакомую станцию. Ее и станцией не назовешь, еле выбралась обратно в Эмполи, а оттуда на такси.

– А позвонить не догадалась, – без упрека, просто констатируя факт, сказал граф.

Саша вспомнила лето, прогулку по холмам с незнакомцем, подозреваемым их дамской компанией в убийстве. Вспомнила, как машина Роберто догнала их в тот вечер: волнуясь за нее, граф бросился на помощь. А сейчас даже не позвонил, когда она так сильно задержалась, все изменилось всего за несколько лет... То, что Саша из двоих мужчин сама вроде как выбрала Луку, она не вспомнила, почему-то было очень обидно остаться одной в теплой уютной комнате, когда за окном непогода, а за дверью – холодный пустой замок.

Тут раздался стук в дверь, и Роберто, извинившись, заглянул в комнату:

– Permesso? Если ты не сильно устала, и нет других планов, можно через полчаса пообедать. Все закрыто из-за непогоды, народ по домам сидит, но я договорился в трагтории по соседству.

Только тут девушка почувствовала, как голодна, последний раз, не считая самолетной пищи, она ела утром в Москве перед вылетом.

– Конечно, я с удовольствием! – Кажется, о ней все-таки заботятся.

В трагтории было пусто, когда Роберто с Александрой, пробежав буквально сто метров по старинной улочке, нырнули в тепло уютного небольшого зала.

Саша никогда не бывала здесь раньше и с интересом рассматривала массивные дубовые столы, деревянные балки на потолке и множество запыленных бутылок вина и тосканской керамики на полках по стенам.

С немeньшим интересом рассматривала Сашу молодая хозяйка заведения. В прошлые приезды Александра не преминула обсудить графа Роберто с подругами, ее удивляло, что молодой мужчина не женат и большую часть времени проводит в одиночестве, лишь изредка появляясь в компаниях друзей.

Не удивительно, что его теплые отношения с Сашей приводили к веселому подтруниванию подруг, и сейчас ее компания хозяину замка вызвала не скрываемое любопытство темно-волосой кругленькой барменши, или трактирщицы, что лучше подходило к хозяйке трагтории по имени Энца.

– Полное имя, конечно, Лоренца? – тихо спросила Саша у графа. Как еще могли звать тосканку со времен Лоренцо Великолепного.

– Винченца, – засмеялся тот, не угадала.

Роберто выбрал одно из самых дорогих вин, Брунелло ди Монтальчино, что польстило Саше. Голодная как волк, она одолела огромную тарелку толстой лапши паппарделле с тосканским рагу, после чего, не моргнув глазом, до чиста вылизала тарелку со вторым – тонкими ломтиками мяса, политыми вкуснейшим горячим соусом, блюдо называлось незнакомым словом «брасато». Отказавшись от десерта они выпили традиционную чашечку кофе и лишь вылезая из-за стола, девушка осознала свою ошибку: нельзя было столько есть! Те же сто метров до дверей замка она еле доползла, кряхтя, и не в силах даже глубоко вздохнуть. Дальше она была способна лишь с трудом подняться по широкой лестнице к своей комнате и упасть на кровать.

– Ужин в девять! – крикнул снизу граф, который чувствовал себя бодро после небольшой тарелочки ризотто, съеденной им за обедом с восхитительным Брунелло.

***

Когда Саша проснулась, в комнате и за окном было темно. В летние месяцы ее всегда радовала тишина в замке, сейчас тишину нарушал какой-то монотонный, но довольно громкий звук. Девушка включила лампу, посмотрела на часы – было уже 8 вечера, и подошла к окну.

Монотонный звук издавал ливень, стучавший по навесу старого колодца во дворе замка, прекращаться в ближайшее время он явно не собирался.

Ее снова накрыло чувство тоски и сожаления о приезде, бессмысленно было бы просидеть неделю в пустом замке, когда все друзья разъехались, а погода не позволяет съездить в соседние городки.

Саша заставила себя, встать, сходить в душ, потом она немного почитала под шум дождя и без пяти девять при полном параде спустилась вниз.

В холле замка горела лишь небольшая лампа, двери в другие помещения были по-прежнему закрыты и хозяина не наблюдалось. Девушка вздохнула и уже собиралась вернуться к себе в комнату, как вдруг входные двери широко распахнулись.

С шумом дождя в холл ворвался невысокий мужчина в элегантном пальто, светлом шарфе вокруг шеи, с лучезарной улыбкой. Казалось, что с его появлением разом включились все люстры в холле и даже дождь решил стихнуть. Завороженная энергетикой незнакомца, Саша машинально спустилась на несколько ступеней, а он, стряхивая капли дождя с пальто и сидящих темных волос, по-прежнему широко улыбаясь, громко заявил по-английски:

– Я все знаю, ты Алессандра, меня зовут Гильермо, это по-испански, если хочешь, можешь звать меня по-английски, Уильямом. Это хорошо, что ты готова, мы сейчас поедем ужинать!

Саша почувствовала укол обиды, она рассчитывала на ужин вдвоем с графом. Но разочарование тут же исчезло, потому что сопротивляться шумному обаянию Гильермо-Уильяма было невозможно, и она заулыбалась в ответ и протянула руку.

В этот момент двери еще раз распахнулись, в проеме за спиной появившегося там Роберто она увидела силуэт его длинной темной машины, каким-то чудом протиснувшейся по узкой улочке к самым дверям замка.

– Познакомились уже? Sbrighiamoci! Давайте быстрее! Нам еще ехать далеко, – и граф показал жестом на дверь.

Саша скользнула на заднее сиденье, а Гильермо устроился рядом с Роберто, не умолкая всю дорогу, и постоянно вертясь на сиденье, то рассказывая что-то графу и жестикулируя не хуже итальянца, то поворачиваясь к девушке.

Гильермо действительно оказался испанцем, правда, давно переехавшим в Америку, и даже профессором философии, в Тоскану он приехал, как руководитель летнего американского университета, но обычной жизни преподавателя и ученого для его темперамента было мало.

Гильермо был антикваром и ювелиром, он разыскивал по всей Тоскане предметы антиквариата для своей лавки в Сан Франциско или вдохновения для дизайна своих ювелирных украшений. А еще и кулинаром, убеждавшим собеседников, что никто лучше него не готовит дикого зайца. Живущий полной жизнью, радостный оптимист, он зажигал своим обаянием и неумной энергией всех, кто попадал в его орбиту, не стали исключением и Саша с Роберто.

Выяснилось, что мужчины познакомились прошлым летом, и сейчас граф подыскивал испанцу дом в Тоскане, а Гильермо активно знакомил друга с молодыми американскими студентками, уверенный, что именно юной американской жены Роберто и не хватает для полного счастья.

Видимо это был тот случай, когда притягиваются противоположности, потому что невозможно придумать более непохожих людей! Кругленький, энергичный и веселый живчик профессор, и меланхоличный, замкнутый, высокий и аристократичный граф находились на абсолютно разных полюсах.

Но в присутствии Гильермо даже Роберто начинал неуверенно улыбаться и – о чудо! – пытался шутить.

Прошло минут сорок с момента их отъезда из дома, расстояние приличное для Тосканы. Но спросить, куда они едут, было невозможно, ибо профессор ни на мгновение не умолкал.

Наконец машина поднялась на холм, где в свете фонарей убегали вверх улочки совсем крохотного борго. Роберто остановился у маленькой площади, пояснив, что дальше ехать бес-

смысленно, все равно припарковаться негде, поэтому уважаемым синьорам придется немного пройтись.

Дождь как раз стих, и взяв обоих мужчин под руки, от чего Роберто как всегда напрягся, Саша с удовольствием прошлась немного вверх до маленькой площади.

– Это тайное место, – подмигнул Роберто девушке, – о нем даже Гильермо еще не знает, я не показывал.

Тайное место оказалось очень старой деревенской тратторией, где к балкам на потолке прилагались и камин, и огромная люстра – деревянное колесо, и связки трав по стенам, и большие столы, на которых могла разместиться целая компания.

Почти все столы были заняты, и мужчина за барной стойкой, как знакомому, кивнул Роберто в сторону одного из двух пустых столов:

– Ваш столик вон там, добро пожаловать, приятель.

После сытного обеда Саша сподобилась лишь на пиццу, в то время как мужчины заказывали все новые и новые блюда, периодически заставляя девушку попробовать то одно, то другое блюдо из их тарелок.

Больше всего ее удивило, что в середине зала был накрыт большой стол со всевозможными бутербродиками, и все это предоставлялось гостям траттории бесплатно.

Она давно знала разницу между брускеттой и кростини – кростини обжаривают с оливковым маслом, а брускетту сухой и поливают маслом позже – но определяла их исключительно размером. Кростини всегда были небольшими кусочками хлеба в отличие от солидных ломтей брускетты, да и на закуску обычно всегда подавали кростини. Но сегодняшние бутербродики были большого размера, хотя явно обжарены уже смоченными маслом.

– Ты никогда не слышала о кростини? – удивился Роберто. – А еще называешь себя тосканкой в душе! Это очень старая традиция, именно кростине подавали гостям тосканских заведений бесплатно перед началом трапезы, причем именно в такой форме свободного буфета. Я тебя удивлю! Здесь в Тоскане мы реже говорим о брускетте, это скорее южный вид закусок. А от кростини, которые мы всегда подаем перед едой, наши тосканские кростини отличает что?

Саша пожала плечами.

– Ну неужели ты не видишь разницы? Кростини подаются обжаренными, с уложенными на них потом всяческими ингредиентами. Кростини запекаются в печи уже с начинкой, с овощами, с разными колбасами и ветчинами, но обязательно с сыром. Все запекается вместе!

Все блюда из меню были очень вкусными, и спутники девушки не отказывали себе в удовольствии попробовать всего понемногу.

Спагетти с помидорами, чесноком и маслом были настолько простым блюдом, что Саша удивилась, их наличию в меню, но чуть не съела всю порцию в тарелке Роберто. Она вспомнила, что однажды он рассказывал ей о любимой пасте – готовила эту пасту конечно домохозяйка Фиона. Тогда он назвал простейшие ингредиенты: помидоры и базилик, и сказал, что это блюдо, приготовленное с любовью, вкуснее любых изысков. Сегодня Саша убедилась в его правоте.

Она увлеклась «дегустацией» и даже попробовала кусочек мяса в каком-то необыкновенном зеленом соусе, которую взял Роберто, и запеченный картофель, поданный Гильермо.

В конце ужина ей не позволили вынуть кошелек:

– Тут все невероятно дешево, не обеднеем.

Пока они рассчитывались и обнимались с хозяином, Саша вышла из дверей траттории на площадь, пытаясь поймать сеть мобильной связи. Рядом стоял один из посетителей, вышедший покурить на свежем воздухе. Увидев Сашины безуспешные попытки, он улыбнулся:

– Мы потому сюда и приезжаем, синьора! Здесь нет мобильной связи, и можно хотя бы ненадолго забыть о суете современного мира.

***

Дождя не было, и Саша со спутниками медленно пошли вниз, к машине, наслаждаясь тихой ночью. Даже Гильермо молчал, но, как оказалось, не долго.

– А почему они в церкви окна забили? – вдруг спросил профессор, указывая на небольшую старую церквушку, чьи окна и двери действительно были забиты крест-накрест деревянными балками, а некоторые даже замурованы кирпичами.

– Первый раз вижу, – удивился граф.

– Вампирииры! – с диким воплем, чуть не перебудившим всю округу, Гильермо бросился бежать вниз с холма. Выглядел кругленький, но при этом элегантный, невысокий профессор настолько комично, что Саша, смеясь, припустила за ним.

– Дети малые! Ненормальные! С кем я связался! – но и Роберто побежал вдогонку, еле удерживаясь от смеха.

Они остановились у заброшенного на вид старинного здания, под увитым облетевшим плющом каменным балконом. Тучи совсем разошлись, и на темном небе засияла луна.

– Но что за блеск я вижу на балконе?

Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!

Стань у окна, убей луну соседством;

Она и так от зависти больна,

Что ты ее затмила белизною, – неожиданно продекламировал Роберто.

Саша тут же встала под балконом в романтическую позу, закатила глаза и напрягла всю свою память, чтобы достойно ответить:

– Кто это проникает в темноте

В мои мечты заветные?

Неизвестно, что ответил бы граф, но между ними уже появился невысокий толстенький силуэт, сжимающий в руке подобранную на земле палку на манер шпаги:

– Почти светает, шел бы ты подальше!

– Ээээ это слова Джульетты! – хором воскликнули Роберто и Саша, и, подхватив Гильермо под руки с обеих сторон, отправились к машине. То, что все трое моментально начали цитировать Шекспира, объединило их больше, чем совместный ужин.

Тучи снова закрыли луну, и начал накрапывать дождик, пока темная машина медленно, словно нехотя, пробиралась по темным дорогам среди тосканских холмов.

Роберто включил радио и в машине зазвучал хриловатый голос:

– Что есть любовь? Безумье от угара,

Игра огнем, ведущая к пожару.

Воспламенившееся море слез,

Раздумье – необдуманности ради,

Смешенье яда и противоядия.

Они ехали молча, слушая музыку, в мягкой пелене дождя, пока впереди не появились темные силуэты дворцов, башен и крепостных стен Кастельмонте.

Город спал, нигде не горели огни. Выйдя из машины, они остановились у дверей замка, и Гильермо распахнул объятия, традиционно троекратно расцеловав Сашу:

– Все было здорово. Я рад знакомству, увидимся! Мне туда, – он махнул в сторону одного из дворцов в конце улицы, где снимал апартаменты.

Саша с такими же объятиями повернулась к Роберто, но граф тут же отступил в сторону:

– Разве мы прощаемся? Ты же не уезжаешь. Иди спать, я поставлю машину, заберу свои вещи, и вернусь в эту часть замка. Не хотелось бы оставлять тебя одну.

– Ой, да, пожалуйста! – мысль о том, что она останется совершенно одна в старой части замка, пусть даже запертая на ключ, вызвала у Саши настоящую панику, и она чуть снова не кинулась на Роберто с объятиями.

– Я вернусь. Если что, кричи, я услышу, главное не бегай по коридорам в простыне, и не завывай как привидение.

– А что, это было бы даже интересно, – тут же включился Гильермо

– Да я скончаюсь от сердечного приступа, я привидений боюсь, – обрадовал владелец старинного замка, – иди, кивнул он Саше на дверь, я запру входные двери, пока ставлю машину, спокойной ночи.

Саша впервые в своей жизни поднималась по лестнице в пустом замке в абсолютном одиночестве, да еще и в полночь. Ее тень пугающе мелькала в старых зеркалах по обе стороны длинного коридора с закрытыми дверьми, ведущих в комнаты. Неожиданно она поймала взгляд темноволосой женщины, пристально смотрящей на нее из мутноватого зеркала и чуть не заорала во весь голос. Ноги стали ватными, руки похолодели. Девушка тут же сообразила, что в зеркале отразился портрет, висящий на стене в конце лестницы, но руки, пока она открывала дверь своей комнаты, тряслись, и она еле попала ключами в замочную скважину. Тем более что делала она это вполоборота, так и не решившись повернуться спиной к коридору.

Стоило войти в уютную натопленную комнату, как все страхи прошли, Саша разделась, устроилась под пуховым одеялом на высокой тосканской кровати, провела рукой по образу Мадонны в изголовье, и ее сразу потянуло ко сну, никаких мыслей в голове уже не осталось.

Засыпая, она успела подумать, постучится ли к ней граф по возвращению в замок, но это была последняя мысль перед тем, как крепко уснуть.

***

Проснулась Саша на удивление рано, не было даже восьми. Умылась и спустилась вниз в пустую и холодную кухню. Едой не пахло. Девушка огляделась, задумавшись где бы найти хотя бы сок и хлеб. Открыв один из шкафчиков, она задела какую-то кастрюльку, и целая гора кастрюлей и сковородок с ужасающим грохотом покатились по каменному полу.

Через пару минут на кухне оказался заспанный и растрепанный граф.

– Нет, ну ты что вскочила в такую рань, а? Ну раз так есть хочется, то постучала бы, зачем же такой грохот устраивать, я чуть не поседел, думал, землетрясение началось! – он протер глаза. – Иди уж, сядь. Я кофе сварю сейчас и омлет сделаю, будешь омлет?

– Я все буду, – виновато согласилась Саша.

– А хлеба нет, – торжественно заявил граф и отправил девушку в столовую, загремев сковородками на кухне.

Саша вздохнула, вспомнив запах горячего хлеба, который пекла каждое утро Фиона. Но пожилая женщина уже год как наслаждалась официальной пенсией, и больше не готовила завтраки по утрам, хотя ежедневно навещала замок: она была уверена, что после смерти старой графини молодой хозяйин без нее ни за что не справится с делами.

Похоже, что Роберто это устраивало, из уважения к старой экономке и кухарке, он позволял ей до сих пор чувствовать свою востребованность.

Тут Саша, наконец, вспомнила, что вчера за ужином выключила телефон, положив его в сумочку за бесполезностью в отсутствии сети, да так и забыла включить.

Она достала телефон, включила, и увидела несколько пропущенных звонков с незнакомого российского номера и несколько сообщений, оказавшихся от того же адресата.

Увидев первое сообщение, Саша остолбенела:

«Александра, это Татьяна Маркони. Вы меня помните? Мне сказали, что вы в Италии, мне очень нужно с вами поговорить.»

«Александра, я не знаю, что мне делать, я в Кастельторре, в тосканских Альпах, мне нужна ваша помощь»

«Александра, умоляю, приезжайте, мне не к кому обратиться, не бросайте меня»

«Мне страшно, помогите!»

Саша набрала номер, но абонент оказался недоступен. Она еще и еще раз набирала номер, но результат был тем же.

– Что случилось? – спросил Роберто, появившийся с кухни с дымящимся омлетом, соком и маленькими чашечками кофе на подносе.

Саша отложила телефон и рассказала Роберто всю историю с судебным делом, не упоминая, правда, откуда это дело взялось. Обычно в разговоре они старательно обходили само существование комиссара Луки Дини на белом свете, и признаваться в венецианском отпуске с Лукой Саша не собиралась, сама слегка этому удивляясь.

– Она нормальная? – удивился Роберто. – Такое творить. А теперь еще тебе звонит? Пусть своему адвокату звонит.

– Адвокат в России. А я здесь. Видимо, что-то серьезное случилось.

– А с чего она взяла, что ты здесь? Искала тебя в России и ей сказали, что ты в Италии? Тогда это может потерпеть. Выспится – перезвонит, не волнуйся.

– Знаешь, она, конечно, чокнутая, и может у нее крыша поехала, но ведь могло действительно что-то серьезное случиться. Я могу не волноваться, и не пытаюсь перезвонить, но если ей нужна моя помощь, и если там что-то серьезное... а иначе зачем бы она звонила своему врагу?

– А затем, что на тебе написано, что ты готова бежать на помощь. Опять какая-нибудь проблема с бывшим мужем, и она рассчитывает переманить тебя на свою сторону.

– Вот, кстати, о бывшем муже. – Саша набрала номер Микеле, но тот тоже оказался недоступным.

– Там что-то происходит. Я чувствую, – сказала девушка, набирая номер дона Витторио, пока Роберто пожимал плечами и напоминал, что только Саша может гулять с маньяками по полям и попадать во всяческие истории.

Телефон старого священника отозвался сразу, и Саша рассказала ему о взволновавших сообщениях.

– Да, Татьяна приехала в Кастельторре, чтобы продать квартиру, которая, если по-честному, принадлежит Микеле, куплена на его деньги и лишь оформлена на Татьяну. Но Микеле не против, – он вздохнул. – Вы знаете, ему удалось вернуться на прежнее место в Германию, вот только забыть все, как страшный сон, не получается, он скучает по сыну. Если хотите, я найду вам его немецкий номер.

– Так вот почему его телефон не отвечает... Татьяна уже продала квартиру? Может, она решила нанять меня на продажу своей недвижимости, но ведь она написала, что ей страшно и она в опасности!

– Насколько я знаю, пока не продала. Я уточню, здесь ли она сейчас. И перезвоню, раз вы так беспокоитесь, – сказал падре.

Он перезвонил, когда Саша и Роберто заканчивали завтрак. Саша допивала кофе, а Роберто что-то читал, уткнувшись в свой телефон.

– Алессандра, квартира пока не продана, а Татьяну никто не видел уже несколько дней, она остановилась в маленьком пансиончике в новой части города, но последнее время там не появлялась. Я перезвоню, если что-то узнаю, не беспокойтесь, дорогая Алессандра, все скоро выяснится.

Роберто появился из дверей кухни, где он с кем-то разговаривал по телефону. Подошел и сел напротив Саши, в это время ей на телефон пришло сообщение.

– Это от меня, – сказал граф. – Я же тебя знаю, ты не успокоишься. Я билет тебе купил до Кастельторре и отправил на телефон. Во Флоренцию я тебя отвезу, а то слишком много пересадок делать придется, отсюда до Флоренции, потом до Лукки, потом местный поезд до

Кастельторре. А там, – он смущенно улыбнулся, – тебя встретят, я договорился. Петер будет ждать тебя на станции.

Обалдевшая Саша во все глаза смотрела на Роберто.

– Я что-то не так сделал, и ты не собиралась ехать? Так все можно отменить.

– Я собиралась. – тут Саша бросилась графу на шею, и он не успел увернуться – Ты не представляешь, какой ты хороший. Ты просто супер!

Покрасневший Роберто высвободился из ее объятий.

– В общем, твое дело добраться до Кастельторре, билеты в телефоне, а там Петер все решит. Мы знакомы с ним сто лет, вместе учились, я уверен в нем, как в самом себе. Жить ты будешь у него в Сан Пьетро, это такое милое местечко... Да что я рассказываю, сама увидишь!

***

В Лукке Александра почти сразу же пересела на маленький местный поезд из трех вагонов до Кастельторре. Роберто еще в замке замахал руками, когда Саша попыталась вернуть деньги, и это было здорово, потому что денег у нее как раз было не много. Собираясь на неделю в Италию, она даже не думала ехать куда-то далеко из любимого городка, тем более спасти своего недавнего врага, ведь Татьяна вела себя именно как враг, а не просто оппонент в судебном процессе.

Полтора часа пути до Лукки – вернее два, потому что региональный поезд как всегда еле плелся и значительно отстал от расписания – Саша раздумывала, не совершила ли она глупость, беспокоившись судьбой неприятной ей женщины, и дала себе слово, что если найдет Татьяну живой и здоровой, то немедленно вернется в Кастельмонте. Интересно, что названия городков оказались похожи, один – «замок на горе», другой – «замок с башней».

В другое время она наслаждалась бы видами за окном, в этой части Тосканы она никогда не была, но погода не радовала, да и мысли были заняты раздумьями о цели ее поездки.

А поезд шел по долине, словно по узкому коридору, окруженному стенами высоких гор, на которых уже лежал снег. На небольших уступах кое где пристроились замки, а внизу, в самой долине, по краям железной дороги рассыпались фермы и маленькие городки. В одном месте показался старинный горбатый мост через узкую речку, табличка, промелькнувшая в окне, сообщила, что это «мост дьявола», ни больше, ни меньше.

***

Заполненный в основном школьниками, вагон постепенно пустел, и когда в окне появилась станция с надписью Кастельторре, Саша оказалась единственной, сошедшей на перрон. Поезд тут же скрылся из глаз, вильнув хвостом последнего вагона.

Да уж, в такую глушь девушка еще не забиралась! Это похлеще Понтедери-как-то ее там! Тут поезда так часто не ходят. А вокруг лишь пустой вокзал, где закрыты все двери, уходящая в даль железная дорога, голые деревья на склонах высокой горы и туман. В отличии от влажной, но теплой осени в центральной Тоскане здесь мерзли руки и шел пар изо рта.

Она вздохнула и вышла на площадь у вокзала. В обозримом пространстве не заметно было никаких зданий, словно во всем мире остались лишь закрытая наглухо станция, туман и Саша с чемоданом. Она поняла, почему Роберто постарался пристроить ее в «надежные руки». Только вот где он?

Но тут завизжали тормоза, вынырнувшая из тумана машина чуть не вписалась в здание вокзала, притормозив в последний момент, и к Саше направился высокий русоволосый мужчина лет сорока.

– Вы, конечно, Алессандра, – он протянул руку, – а я Петер. Давайте ваш чемодан.

В машине он сказал, что сначала они заедут в большой супермаркет, чтобы Саша купила себе все необходимые продукты.

– У вас же будет кухня, будете готовить, – ответил он на удивленный взгляд девушки. Ближайшие лавочки в городке, но до него еще надо дойти.

Приключение все больше пугало, это в какую ж глушь ее везут?

В супермаркете на трассе минутах в пятнадцати езды от станции Саша постаралась выбрать то, что можно было просто разогреть, чтобы не тратить время, потом положила в корзину несколько бутылок минеральной воды и бутылку местного – судя по этикетке – вина, «Bianco Concori». Пробовать местное, так пробовать!

– О, нектар Апуанских Альп! – одобрил ее выбор Петер.

Вскоре снова показалась станция, потом дорога пошла через лес. Иногда туман отступал, появлялось синее небо, из-за гор пробивались солнечные лучи, а туман, как большой лохматый зверь, прятался в лощинах то справа, то слева. Видно было, как он залегает в долинах и ущельях, серый, ватный, готовый к новому прыжку на дорогу. Но вот начали появляться здания по краям дороги. Саша даже заметила табличку «театр» на внушительном, но не слишком старом здании.

За очередным поворотом глазам девушки открылся небольшой водопадик, стекающий с горы прямо между обычными жилыми домами, дальше обнаружился старый фонтан. Туман так и не отступал, но с одной стороны из него потихоньку появлялись разбросанные деревенские домики и поля, а с другой – крест храма вдали на горе и очертания монастыря по соседству.

И вдруг впереди, над бурными потоками горной реки один за другим появились мосты, которые вели в город, окруженный потемневшей от времени крепостной стеной. Голые деревья с редкими сухими листьями на берегу реки были усыпаны небольшими оранжевыми шариками, похожими на хурму. Темным строем встали по берегу реки высокие темные ели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.